

РОССИЙСКАЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВЕНГРИИ

(1920 – 1940-е годы)

Сборник статей

**Российская белая эмиграция
в Венгрии (1920 – 1940-е годы)**

«Пробел-2000»

2012

Сборник статей

Российская белая эмиграция в Венгрии (1920 – 1940-е годы) /
Сборник статей — «Пробел-2000», 2012

В основе сборника статей лежат материалы научной конференции, состоявшейся в апреле 2010 года в Москве в Доме русского зарубежья имени А. Солженицына. В статьях рассматриваются политические аспекты деятельности, культурная жизнь русской эмиграции в Венгрии, восприятие венгерским общественным сознанием творчества русских писателей-эмигрантов. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России и Венгрии.

© Сборник статей, 2012

© Пробел-2000, 2012

Содержание

Вместо предисловия	6
Российская белая эмиграция в межвоенной Венгрии. Проблемы изучения	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Российская белая эмиграция в Венгрии (1920 – 1940-е годы)

Книга издана при поддержке Архивного института при Культурном, научном и информационном центре Венгрии в Москве

Ответственные редакторы:

А.С. Стыкалин, Ева Мария Варга

Авторы текстов:

отец Ким Николай, Колонтари Аттила, Лукьянов Ф.Е., Петрушева Л.И., Пихурик Юдит, Стыкалин А.С., Халас Иван, Шереш Аттила, Шиллер Эржебет, Шкаровский М.В.

Перевод с венгерского:

Волотов О.Г., Колонтари Аттила, Халас Иван, Шереш Аттила, Цесарская Майя, Юшкан Я.А.

В оформлении обложки использованы фотодокументы Архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Вместо предисловия

«Каждая изгнанная жизнь бесполезна для общества, так как обоснование изгнания заключается именно в том, что люди старого порядка перестали быть полезными новому порядку, поэтому он вынужден при помощи их удаления облегчить своё положение».
Дюла Секфю: Ракоци в изгнании. 1913 г.

До смены политического строя в России изучение российской белой эмиграции было ограничено идеологическими рамками, только в последние десятилетия XX века появилось множество научных работ по данной теме, в которых нашли отражение военно-политическая и идеологическая деятельность российской эмиграции.

Однако до сих пор почти неизвестен тот факт, что в числе других стран и Венгрия в период между двумя мировыми войнами предоставила убежище нескольким тысячам российских беженцев. Это было сделано несмотря на то, что после поражения страны в Первой мировой войне, буржуазно-демократической и социалистической революций 1918–1919 годов, последовавшей за ними контрреволюции, а также заключения шокировавшего нацию Трианонского мирного договора Венгрия и сама находилась в крайне сложном положении.

Российская эмиграция в Венгрии по своей численности и по своему значению несопоставима с российским зарубежьем в Париже, Праге, Белграде или Софии. Однако в документах некоторых эмигрантских организаций Будапешт все же фигурирует как один из важнейших центров русских монархистов, это был город, принявший выходцев из аристократических – княжеских и графских – родов (Голицыны, Оболенские, Волконские, а также отпрыски знатных родов балтийских немцев), многие из которых были офицерами Белой армии. Одним из заслуживающих внимания эпизодов в истории русской эмиграции в Венгрии было пребывание Антона Ивановича Деникина в стране с 1922 по 1925 г. Как бы то ни было, на территории Венгерского Королевства в 1920-е -1930-е гг. проживало всего лишь 3–4 тысячи подданных бывшей царской империи.

Поэтому не удивительно, что исследователи до сих пор не уделяли большого внимания изучению их истории.

Но в последние годы находившаяся в Венгрии белогвардейская эмиграция стала все чаще попадать в поле зрения исследователей. Лучшим доказательством этому служит проведение в 2010-ом году независимо друг от друга в венгерской и российской столицах двух научных форумов, посвященных данной теме. Основной целью конференции, которую 26 февраля 2010 г. совместно организовали в Будапеште Католический университет им. Петра Пазмания, Центрально-европейская исследовательская группа им. Св. Адальберта и Будапештский Университет Corvinus, было раскрытие ранее неизвестных страниц жизни и деятельности русских белоэмигрантов, проживавших в Венгрии в период между двумя мировыми войнами. Проблематика эта является менее известным, но в то же время очень интересным цветовым пятном в мозаике истории венгеророссийских отношений.

В Москве 20 апреля 2010 года в Доме Русского Зарубежья имени А. Солженицына, по инициативе Архивного института при Культурном, Научном и Информационном центре (КНИЦ) Венгерской Республики в Москве, состоялся круглый стол „Русская белая эмиграция в Венгрии”. Его организаторами были Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына, Архивный институт КНИЦ в Москве и Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша.

В выступлениях венгерских и российских специалистов – участников круглого стола нашли отражение отдельные аспекты истории российской белой эмиграции в Венгрии. К вели-

кому сожалению организаторов, дым от извержения исландского вулкана в апреле 2010 года помешал приезду и непосредственному присутствию на научной конференции многих запланированных венгерских участников. Тем не менее круглый стол привлек серьезное внимание профессиональной аудитории, собрал немало слушателей. Очень быстро родилась идея – в соответствии с нашими скромными возможностями издать отдельным сборником прозвучавшие на конференции и не прозвучавшие («превратившиеся в дым») доклады.

В начале 2011 г. под редакцией историка Ивана Халаса был издан том с материалами конференции, проведенной в Будапеште: *Az orosz „fehérgárdista” emigráció Magyarországon (1918–1945). Szerk.: Halász Ivan. Buda-pest-Esztergom, BCE Nemzetközi Migrációs és Integrációs Karközi Kutatóközpont 2011.* Настоящим сборником, выходящим на русском языке, мы также желаем внести свой вклад в выполнение главной цели, поставленной первопроходческим в своей области венгерским изданием. Речь идет о восполнении пробела, а точнее – о наполнении многоцветными красками до сих пор сохраняющегося белого пятна в истории.

Предлагаемый читателю сборник, разумеется, не может исчерпать всей полноты проблематики, связанной с поставленной темой, но надеемся, что он является убедительным доказательством того, что совместное историческое прошлое – каким бы сложным и противоречивым оно ни было – может стать связующим, а не разъединяющим звеном в отношениях между нашими странами, нашими народами. Самое главное состоит в том, что оно – это прошлое – должно освещаться полно и беспристрастно, чтобы оно не становилось средством достижения сиюминутных политических целей.

Ева Мария Варга

Российская белая эмиграция в межвоенной Венгрии. Проблемы изучения

А.С. Стыкалин

На фоне детального, скрупулезного изучения в современной российской (да и не только российской) историографии русской послереволюционной эмиграции в славянских странах (особенно в Чехословакии, Югославии и Болгарии¹), российская эмиграция в Венгрии до недавнего времени оставалась белым пятном. Лишь в самые последние годы начали вводиться в научный оборот материалы, хранящиеся в фондах Венгерского государственного архива, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, в других архивных собраниях. Количество серьезных публикаций пока невелико². А в биографиях тех очень немногочисленных видных деятелей русской истории и культуры, часть жизненного пути которых была связана в эти годы с Венгрией (генерал А.И. Деникин, танцовщик Вацлав Нижинский), венгерские периоды жизни до сих пор если хоть как-то отражены, то наиболее скупо и поверхностно³.

Не слишком большой интерес историков к проблеме российской эмиграции в межвоенной Венгрии имеет свои объяснения. Конечно, Венгрия не относилась к числу важнейших пристанищ русской эмиграции и политических, культурных центров российского зарубежья. Культурная жизнь не столь уж многочисленной русской диаспоры в Будапеште по своей интенсивности, размаху и творческому уровню не идет в сравнение с культурной жизнью в российско-эмигрантской среде Берлина, Парижа, Праги и даже Белграда, а созданные в Венгрии выходцами из России духовные ценности за небольшими, может быть, исключениями (вроде мемуаров Деникина, писавшихся на берегах Балатона) не оставили заметного следа в истории русской культуры⁴. Кроме того, в отличие от Болгарии

и Югославии в Венгрии русские эмигранты не внесли значительного вклада в развитие художественной культуры и науки принимающей страны, российская диаспора вообще была здесь гораздо менее заметна в культурном плане. В свою очередь и венгерские власти не предпринимали в отношении российской эмиграции каких-либо значительных политических и культурных инициатив, таких как, например, «русская акция» Т.Г. Масарика в соседней Чехословакии.

При всем периферийном положении Венгрии на карте российского зарубежья межвоенного периода, ее столица Будапешт все-таки играл в 1920-е годы определенную роль в качестве одного из центров притяжения именно военной эмиграции – приток сюда генералитета и офицерства был обусловлен не в последнюю очередь типологической общностью правоавторитарного режима Хорти и белогвардейских диктатур 1918–1920 гг. Не надо в общем недооценивать и культурного потенциала российской эмиграции в Венгрии, учитывая постоянное присутствие выходцев из аристократических – княжеских и графских – родов (Голицыны, Оболенские, Волконские, а также отпрыски знатных родов балтийских немцев). Достаточно развиты были венгерские связи евразийцев (в том числе жившего в Вене известного филолога Н.С. Трубецкого) и представителей некоторых других идейных течений русской эмиграции. Историкам и культурологам еще предстоит много сделать для реконструкции облика русской диаспоры в межвоенной Венгрии, выявления взаимоотношений российской эмиграции в этой стране с главными политическими и культурными центрами русского зарубежья, изучения венгерских связей видных российских политиков и деятелей культуры, проживавших в других странах. Обращение к венгерскому материалу тем более необходимо, что существующая неравномер-

ность в изучении отдельных пластов в истории русского зарубежья до сих пор затрудняет написание как синтетических научных трудов, дающих целостную картину истории русской эмиграции 1920-1930-х годов, так и биографических, энциклопедических справочников.

Понимание специфики Венгрии как страны, принимавшей беженцев из России, невозможно в отрыве от внутри- и внешнеполитического контекста. Для хортистского режима прием русских эмигрантов и проведение определенной политики по отношению к ним явились логическим продолжением связей с Белым движением, установленных в 1919–1920 гг., и вырабатывая определенную стратегию действий применительно к эмиграции, окружение Хорти принимало во внимание не только тех русских беженцев, которые находились в самой Венгрии, оно учитывало феномен русской эмиграции во всем его международном масштабе. Важно заметить при этом, что после разгрома коммунистического режима (так называемой Венгерской советской республики в августе 1919 г.) венгерская победоносная контрреволюция становится образцом и примером для русских единомышленников; Хорти и его режим были весьма популярны в белогвардейской среде (особенно среди монархистов и последовательных сторонников жестких военных диктатур). Офицеры армий Деникина, а позже, в 1920 г., Врангеля питали надежды на военное сотрудничество с хортистами в интересах полного искоренения большевизма, что было утопией, поскольку находившийся во враждебном окружении соседей, переживавших бурный процесс государственного строительства (образованных в 1918 г. Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также обретшей себя в новых границах Румынии), режим Хорти был слишком озабочен своими внутренними проблемами, чтобы поспешить на помощь родственным белогвардейским диктатурам, а уже в 1920 г. консервативная политическая элита Венгрии пережила тяжелый стресс вследствие Трианонского мирного договора, сократившего территорию исторической Венгрии втрое⁵. К тому же территории, контролируемые Белым движением, отделяло от Венгрии тысячекилометровое расстояние.

Попытки установления связей все же были предприняты, причем, что интересно, инициативу первой проявила венгерская сторона. По некоторым данным, уже в ноябре 1919 г. приближенные Хорти, в то время пока еще не регента, а верховного главнокомандующего, впервые разработали план посылки венгерских офицеров в ставку Деникина, чтобы прояснить позицию главкома Белой армии на юге России, а также его окружения, в отношении границ Российской империи после ее восстановления. В силу особой остроты венгерско-румынских отношений больше всего в Будапеште интересовались проблемой Бессарабии: намерено ли в перспективе российское монархическое движение вступить в войну с Румынией ради обладания этим краем⁶.

Работа по установлению контактов активизировалась летом 1920 г. Новый главком Белой армии на юге России барон Петр Врангель обратился из Крыма с письмом к адмиралу М. Хорти. Написанное на французском языке, оно датировано 14 июля. В письме было высказано признание Хорти за его решительную и успешную борьбу с большевиками, выражена надежда, что в будущем два народа, которых ранее столь многое разделяло, станут ближе друг к другу. Хорти столь же вежливо ответил, что, и по его мнению, два государства, прежде находившиеся в противоположных станах, будут плодотворно сотрудничать на международной арене⁷. Из работ Колонтари известно о поездках венгерских эмиссаров в Крым в целях зондажа ситуации на месте⁸. Однако никакое сотрудничество наладить не успели, к концу осени 1920 г. армия Врангеля потерпела окончательное поражение; остатки войска и часть поддерживавшего Белую армию гражданского населения покинули Россию и через Турцию расселились по разным европейским странам, включая не только соседние с Венгрией Чехословакию и будущую Югославию, но и саму Венгрию, где со временем поселилось несколько тысяч человек (особенно большая партия прибыла из Турции в течение 1922 г.). Сам П.Н. Врангель не воспринимал Венгрию как страну, способную дать приют офицерам и солдатам своей армии. Как писал

он впоследствии в мемуарах, «в случае необходимости для нас оставить родную землю нам трудно было рассчитывать на сочувствие других стран. Ни одна из них, вероятно, не согласилась бы дать нам приют. Исключение могли составить лишь славянские страны, и прежде всего Сербия, столь многим обязанная Великой России»⁹. Как бы то ни было, хортистская Венгрия приняла часть врангелевской армии.

И после поражения Белого движения режим Хорти продолжал сохранять свою популярность в российских консервативно-монархических кругах, теперь уже эмигрантских. Ветеранов Белой армии сближали с хортистской элитой общность консервативных политических идеалов, приверженность авторитарным методам. Разрабатывавшиеся представителями русской военной эмиграции доктрины борьбы с большевизмом отводили определенную роль режиму Хорти¹⁰. При этом монархически настроенное русское офицерство не ограничивалось выражением восторгов в отношении контрреволюционной Венгрии (в том числе в прессе), оно рассчитывало на ответные симпатии своих более удачливых единомышленников, просило у хортистов денег и оружия.

Расчеты на получение помощи от хортистов строились в белогвардейских кругах начиная с весны 1920 г., т. е. еще в месяцы, предшествовавшие окончательному поражению Белой армии на юге России. Историкам известно о контактах представителей венгерской дипломатии в Берлине и Белграде с генералом царской жандармерии М.С. Комиссаровым¹¹. Проявляя интерес к получению информации об общем состоянии антибольшевистского движения в России, хортисты весной-летом 1920 г. еще питали некоторые надежды на поражение большевиков вследствие советско-польской войны и действий армии Врангеля с юга России. Но со временем хортисты все более скептически оценивали перспективы Белого движения на юге России, к тому же у них не было полного доверия к генералитету армии Врангеля. На основании стекавшейся в Будапешт информации многие генералы и старшие офицеры этой армии все более воспринимались (и не без оснований) как франкофилы, т. е. союзники тех, кто сыграл решающую роль в подготовке Трианонского договора, воспринятого не только хортистской политической элитой, но подавляющим большинством венгров как беспримерное национальное унижение¹². Контакты с генералом Комиссаровым и некоторыми его единомышленниками оказались в общем безрезультатными. Хортисты осознавали, что Белое дело в России по большому счету проиграно и средства, запрашивавшиеся Белым движением через этого генерала, будут выброшены на ветер.

Возможно, несколько более удачливым, чем Комиссаров, оказался другой белогвардейский генерал, В. Бискупский, обратившийся в том же 1920 г. к венгерским властям с просьбой о финансовой помощи для осуществления антисоветских акций, и несмотря на отрицательный отзыв, поступивший через венгерскую агентуру от барона Врангеля, получивший определенную часть запрошенной суммы¹³. Другие же аналогичные попытки русских эмигрантов-монархистов вовлечь венгерских единомышленников в военные и политические авантюры антисоветской направленности заканчивались, как правило, неудачей (позже деньги удавалось доставать разве что на содержание беженцев). Хортистская Венгрия, с трудом привыкавшая к новым границам страны и находившаяся к тому же в состоянии экономической разрухи, не была готова оказать серьезной материальной поддержки антибольшевистскому движению, ограничиваясь выражением моральной солидарности. Если же правящие венгерские круги и соглашались кому-то помочь реально, они нуждались в конкретной информации, хотели знать, на что будут потрачены средства. При этом следует иметь в виду, что по мере отката революционной волны в Европе, стабилизации международных отношений и консолидации самого хортистского режима (связанной с именем премьер-министра графа Иштвана Бетлена) ультраправые политики, склонные к авантюризму, отодвигались на задний план, уступая место более умеренным и осторожным традиционным консерваторам (в первую очередь, из аристократи-

ческой среды). Эти люди и прежде всего сам граф Бетлен не были склонны к поддержке явно авантюристических акций, предпочитая следить за развитием международной обстановки и выжидать удобного момента для предъявления территориальных претензий Венгрии к соседним странам. Не получила, в частности, поддержки инициатива проживавшего в Болгарии генерала Кутепова, который в начале 1922 г. через офицеров-посредников просил у венгерских властей не денег, а только содействия в покупке большого количества лошадей для Белой армии, которая была бы сформирована на Балканах для вторжения в Россию. К 1922 г. фактически свертывается и работа по формированию в Венгрии белогвардейского легиона. Инициатор этой акции, в прошлом приближенный Юденича генерал Глазенап хотел привлечь в этот легион белоэмигрантов, обосновавшихся не только в Венгрии, но также в Чехословакии и Польше, и ему действительно удалось в 1920–1921 гг. собрать под свои знамена около 1500 человек. Однако венгерские власти не только не считали русских белоэмигрантов серьезной военной силой, но, как показывают новейшие исследования, не были особенно высокого мнения о Глазенапе, считали его политическим авантюристом, а потому со временем отказали ему в реальной поддержке. Кстати говоря, Глазенап имел примерно такую же репутацию и в белоэмигрантской среде, в том числе благодаря своим связям с известным участником политических авантур писателем Б. Савинковым¹⁴.

Не чуждый наиболее влиятельным в 1920-е годы хортистским деятелям внешнеполитический прагматизм, заставлявший их сторониться явных авантур, более всего проявился именно в отношениях с Советской Россией, а затем СССР. Хорти и его окружение с крайней враждебностью и страхом относились к большевизму, тем более, что коммунистический эксперимент 1919 г. в их собственной стране воспринимался как одна из непосредственных причин краха исторической Венгрии в границах королевства «святого Стефана (Иштвана)»¹⁵. Однако при всей взаимной ненависти СССР и контрреволюционную хортистскую Венгрию сближали не только неприятие Версальской системы, но и общие территориальные претензии к соседней Румынии, что создавало почву для конкретного сотрудничества. Уже начиная с 1922 г. происходят первые попытки сближения Будапешта и Москвы по дипломатической линии¹⁶.

В дальнейшем на негативное отношение хортистской элиты к белой эмиграции (не только в самой стране, но и в более общем плане) повлиял наряду с более прагматическим отношением к СССР и еще ряд факторов. Во-первых, мощная белая эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев поддержала территориальные претензии молодого югославянского государства к хортистской Венгрии. Такую же позицию занимали в сущности и русские эмигранты, поселившиеся на юго-западе Венгрии, в г. Печ и его окрестностях, до 1921 г. находившихся под югославской оккупацией. Собственно говоря, они и осели в этих землях в расчете на то, что они отойдут к КСХС (будущей Югославии). В 1922 г. не хотевший враждебности со стороны Хорти Врангель даже считал нужным командировать в Будапешт из Парижа своего доверенного, генерала Марушевского, которому было поручено успокоить венгерское правительство в связи с интенсивной работой русских белогвардейских организаций на территории Сербии и Румынии и заверить его в «неизменных симпатиях» барона Врангеля¹⁷.

Во-вторых, российские эмигранты-монархисты, поселившиеся в Венгрии, поддерживали более тесные связи с так называемыми легитимистами, т. е. той частью венгерской аристократии, которая выступала за реставрацию Габсбургов на венгерском троне. В 1921 г. последний из коронованных Габсбургов, Карл, в расчете на поддержку легитимистов дважды пытался восстановить свою власть в Венгрии. Однако регент Хорти и его окружение решительно пресекли эти попытки, поскольку были уверены, что возвращение Габсбургов не только усилит сплоченность соседних молодых государств на антивенгерской платформе, но и осложнит отношения Венгрии с некоторыми другими державами (в том числе с Италией), затруднит выход хортистского режима из внешнеполитической изоляции.

Ошибочный выбор русской монархической эмиграции в пользу легитимистов лишил их политического доверия хортистских властей и основной части венгерской политической элиты.

В-третьих, часть русских эмигрантов, проживавших в Венгрии, поддерживала связи с непримиримо враждебной хортистам Чехословакией, а провозглашенная президентом Маса-риком «русская акция» помощи эмигрантам была воспринята в Венгрии с подозрением, как своего рода средство подкупа российских беженцев (не только в самой Чехословакии, но и за ее пределами) с тем, чтобы заставить их принять Версальскую систему, на пересмотр которой решительно была направлена вся внешняя политика хортистского режима. В 1930-е годы ситуация еще более усугубилась в глазах венгерской политической элиты. Когда ненавистная Хорти Чехословакия (по его выражению, «злокачественная опухоль Европы») стала ориентироваться на союз с СССР, а в 1935 г. заключила с ним договор, это дало регенту венгерского королевства основания в переписке с Гитлером сделать вывод о том, что славянство сейчас «почти идентично с большевизмом»¹⁸.

Хотя среди российской политически активной эмиграции в Венгрии более приемлемые для властей германофилы однозначно преобладали над совершенно неприемлемыми франкофилами, полного доверия не было и к первым. В приводимом в нашем сборнике документе (записке, подготовленной в венгерском министерстве обороны) отмечалось: хотя в среде русских монархистов некоторые считают себя германофилами, но прежде всего они являются панславистами и будут поддерживать любую державу в той мере, в какой она будет способна оказать поддержку панславизму. В Венгрии еще с середины XIX века в силу исторически сложившихся обстоятельств (пророссийские ориентации значительной части национальных движений славян Дунайской монархии, решающая роль России в разгроме венгерской революционной армии и подавлении революции в 1849 г., столкновение интересов российской и венгерской политических элит на Балканах в последней четверти XIX – начале XX в.) панславизм традиционно воспринимался как главная угроза самим основам государственного существования¹⁹. Стратегическую позицию венгерских правящих кругов, остававшуюся неизменной до конца Первой мировой войны, довольно откровенно выразила еще в 1860-е гг. газета «Pesti naplo»: «Мы считаем, что не заслуживает права называться венгерским политиком тот, кто главной опасностью для Венгрии считает не русскую, кто не в естественных противниках русских видит естественных союзников Венгрии»²⁰.

Таким образом, на отношение к русским эмигрантам были спроецированы традиционные антиславянские и антирусские комплексы и страхи венгерской (и не только консервативной²¹) политической элиты. Российский монархизм представлялся традиционным врагом, опорой центробежных национальных движений, приведших в конце концов историческую Венгрию к трианонскому краху. И дело в принципе не менялось от того, что некоторые русские монархисты при решении тактических политических задач избрали себе в качестве временного союзника хортистский режим. Венгерские чиновники также осознавали, что тяжелые жизненные условия вынудят эмигрантов принимать материальную поддержку независимо от их убеждений. Как явствует из документов, приводимых, в частности, в статьях А. Колонтари и И. Халаса и в настоящем сборнике, в министерстве обороны считали необходимым ограничивать не только деловую, но и светскую активность русских эмигрантов во избежание занятия некоторыми из них таких общественных позиций, которые дали бы им возможность вести разведывательную деятельность. Таким образом, ни о каком серьезном доверии официального Будапешта к русским белоэмигрантам речи быть не могло. Белым офицерам, симпатизировавшим режиму Хорти, трудно было рассчитывать на ответную взаимность. Тем не менее, как показывает в своих исследованиях А. Колонтари, на отказ венгерской стороны от ратификации подписанного в 1924 г. договора с СССР повлияло в определенной степени давление русской

белой эмиграции (ее видный деятель, представитель Врангеля А. фон Лампе добился для этого аудиенции у самого Хорти).

Сближение хортистов и Белого движения, обусловленное общностью важных тактических целей, едва наметилось в 1919–1921 гг., но в сущности так и не состоялось. Планы использования эмигрантов против Советской России были отброшены в Будапеште в виду их нереальности, осталось лишь подозрение к людям, склонным к политическим авантюрам. По мере того, как на первый план в политической жизни Венгрии выдвигались не правые экстремисты, а традиционные консерваторы эпохи дуализма (со своими представлениями о приоритетах венгерской политики, своей системой ценностей, и отдававшие предпочтение привычным им методам), возвращалось и традиционное недоверие к России.

Таким образом, идеи использования российских эмигрантов в интересах венгерской внешней политики были отброшены, сочувствие властей к беженцам из России уступало место подозрению, что отнюдь не благоприятствовало и без того тяжелому положению русской диаспоры²². Общая ситуация с русской эмиграцией в Венгрии заметно отличалась от того, что наблюдалось в славянских странах, и более того, едва ли было бы преувеличением сказать, что Венгрия была одной из малопривлекательных для беженцев из России европейских стран.

Существовал целый ряд факторов, препятствовавших притоку русских эмигрантов в Венгрию. Во-первых, Венгрия не была славянской страной, а потому в данном случае отсутствовал такой мотив, как чувство славянской взаимности. Во-вторых, культурные связи до революции не были слишком интенсивными²³. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов такой фактор, как трудность языка. Французским, немецким и английским языками в той или иной степени владела значительная часть эмигрантов (во всяком случае тех, кто принадлежал к высшим слоям дореволюционного общества), тогда как славянские языки были более доступны. В-четвертых, враждебные отношения двух стран до 1918 г. и русофобия венгерской политической элиты, о которой речь уже шла выше. С другой стороны, факторами, способствовавшими притоку эмигрантов, были расположение страны в центре Европе, в соседстве с такими важными пристанищами эмигрантов, как Чехословакия и Югославия, относительная дешевизна жизни в Венгрии середины 1920-х годов, а также относительная близость России (мотив этот играл определенную роль в начале 1920-х годов, когда многие надеялись на скорое возвращение на родину²⁴).

По количеству российских эмигрантов, проживавших на ее территории, Венгрия занимала довольно второстепенное место. В 1930 г., по некоторым данным, здесь было чуть более 5000 мигрантов из России. В 1936–1937 гг. было зафиксировано около 4000 выходцев из России с так называемыми «нансеновскими» паспортами (лиц без гражданства)²⁵. Таким образом, русские эмигранты не составляли значительного слоя, что заставило бы власти разработать определенную долгосрочную концепцию отношения к ним, подобно тому, как это имело место в соседней Чехословакии. Вместе с тем, как и в любой другой стране, в Венгрии формируются свои механизмы защиты интересов выходцев из России. До 1921 г. интересы русских эмигрантов пытался отстаивать продолжавший проживать в Будапеште бывший консул Российской империи князь П. Волконский. Непризнание хортистами большевистского режима было для него (как и для других бывших царских дипломатов) аргументом в пользу сохранения собственных дипломатических полномочий. Однако начиная с 1921 г. ввиду явной рудиментарности князя Волконского венгерские власти предпочитали иметь дело с полковником царской и генерал-майором врангелевской армий А. фон Лампе, одним из лидеров «Русского общевосточного союза» (РОВС), довольно видной фигурой российской военной эмиграции. Представляя интересы Врангеля (претендовавшего на главную политическую роль в российской эмиграции) в Берлине, фон Лампе часто навещался в Будапешт, где принимался самим регентом Хорти, в 1922 г. любезно давшим официальное согласие разместить в Венгрии партию эми-

грантов-врангелевцев численностью более 1000 человек, покидавших Турцию. В венгерской столице у фон Лампе, как и у Волконского, был собственный офис, в октябре 1924 г., впрочем, закрытый за неимением средств²⁶. С этих пор хортистские власти предпочитали решать проблемы, связанные с положением русских беженцев, с сотрудником ведомства Ф. Нансена (верховного комиссара Лиги наций по делам военнопленных и беженцев) А. Раймоном. В работах И. Халаса и А. Колонтари показано, что, в отличие от эмигрантов, проявивших себя как авантюристы, такие серьезные люди, как Волконский и фон Лампе, были вхожи в правительственные кабинеты и после того, как утратили свой официальный статус. Вместе с тем предпринятая фон Лампе в 1925 г. попытка добиться официальной аккредитации в качестве защитника интересов русских беженцев натолкнулась на отказ – генералу было заявлено, что он претендует на полномочия, входящие в компетенцию ведомства Нансена.

При первой же встрече с А. Раймоном в ноябре 1924 г. уполномоченные венгерского правительства обязались гарантировать русским беженцам все права, прописанные в международном законодательстве, но заявили также о своей неспособности оказать им материальную помощь. По инициативе Раймона была создана специальная комиссия, которая занималась проблемами материального обеспечения русских беженцев, опираясь на поддержку частных лиц. Комиссия попыталась получить доступ к некоторым банковским счетам, оставшимся со времен царского режима (прежде всего тем, которые находились в ведении царского МИДа и были призваны поддерживать материальное обеспечение российских дипломатических представительств за рубежом). Затея эта, впрочем, закончилась неудачей, поскольку не получила правительственной поддержки.

В элитном слое русской эмиграции в Венгрии доминировали люди правых, монархических убеждений, в том числе, как уже отмечалось, выходцы из аристократических фамилий, находившие сочувствие в венгерской аристократической среде. Особенно хорошо были приняты высшим венгерским обществом (и лучше интегрировались в него) немцы из балтийских баронов, но определенное уважение было оказано и отпрыскам русских аристократических родов. Либералы, а тем более социалисты, как правило, предпочли Венгрии соседнюю Чехословакию, тем более, что венгерские власти в свою очередь проявляли больше охоты приютить консерваторов. Более всего они опасались, что российская эмиграция станет рассадником франкофильства и агентурой главного внешнего врага. С самого начала однозначно плохо относясь к левой и леволиберальной эмиграции, хортисты после негативного опыта с поддержкой легитимистского путча со все большей настороженностью поглядывали и на монархистов, поскольку среди них было не меньше авантюристов, чем в левоэмигрантской среде. Тем не менее в июне 1922 г. в Будапеште удалось провести съезд представителей белоэмигрантских монархических организаций разных стран. В европейской белоэмигрантской среде венгерская столица воспринималась исключительно как один из центров монархической эмиграции.

Отношения внутри русской эмигрантской элиты в Венгрии были сложными. За разногласиями в вопросе о престолонаследии стояли расхождения во внешнеполитических ориентациях между германофилами, воспринимавшими в качестве главы императорского дома Романовых двоюродного брата последнего царя великого князя Кирилла Владимировича, и более франкофильски настроенными сторонниками дяди последнего царя, Верховного Главнокомандующего Российской армией во время

Первой мировой войны великого князя Николая Николаевича. Каждая из партий предпринимала активные попытки скомпрометировать другую в глазах венгерских хозяев. Так, в конце 1923 – начале 1924 г. сторонники Кирилла, зная о том, что люди Врангеля в большей мере поддерживают Николая Николаевича, обвинили фон Лампе в том, что тот состоит на французской службе. Хортистские власти хорошо знали о трениях в эмигрантской среде, но, как уже отмечалось, проявляли определенное недоверие к обеим конкурирующим группировкам.

Самый авторитетный эмигрант, Антон Иванович Деникин, как правило, сторонился активной общественной и светской жизни. «Здесь держит себя вдали от всяких дрызг с достоинством и большой простотой генерал Деникин», – отмечал в приводимом и в настоящем сборнике письмо князь П. Волконский. Думается, что в конечном счете именно чувство собственного достоинства заставило Деникина отвергнуть предложение соратников по эмиграции добиться приема у Хорти – русский генерал и венгерский адмирал находились не в равном положении.

Деникин жил в Венгрии в 1922–1925 гг. Здесь были написаны три из пяти томов его известных мемуаров «Очерки русской смуты». Особого доверия власти к нему не проявляли, подозревая в профранцузских симпатиях и просматривая корреспонденцию (особенно во время пребывания в приграничном Шопроне – городе, на который претендовала также Австрия). Однако отъезд знаменитого генерала из Венгрии был мотивирован не политическими причинами, а намерением отдать подраставшую дочь в русскую гимназию во Франции, а также желанием активнее сотрудничать с русскоязычной прессой – во Франции было больше возможностей что-то заработать литературным трудом.

Даже выходцы из наиболее родовитых аристократических фамилий испытывали в Венгрии серьезные материальные нужды. Многим, однако, помогало совершенное владение иностранными языками – они устраивались в качестве преподавателей французского, немецкого и английского языков. Потребность в преподавателях русского языка была невелика. Известно, правда, что бывший царский дипломат М. Самсонов, хорошо говоривший по-венгерски, обучал русскому языку студентов-экономистов, а его статьи (в том числе о международном правовом статусе русских эмигрантов) публиковались в венгерских правоведческих научных изданиях²⁷.

Было бы, конечно, ошибкой сводить всю эмиграцию к выходцам из высших слоев общества. Довольно много было казаков. Они часто селились в сельской местности, занимались земледелием и со временем адаптировались не к городской, а к сельской среде обитания. Адаптация к венгерским условиям происходила среди казачества быстрее в сравнении с другими слоями эмиграции, поскольку молодые казаки женились на венгерках.

Важным центром, вокруг которого объединялись эмигранты, была русская православная церковь в Будапеште, подчинявшаяся находившемуся в Париже митрополиту Евлогию. Раскол русской зарубежной церкви, связанный с противоборством сторонников Евлогия и карловацкого митрополита Антония, сказывался и на взаимоотношениях русских эмигрантов в Венгрии. Необходимо, однако, иметь в виду, что российская эмиграция в Венгрии не сводилась к православным, довольно высокий процент составляли лютеране, были также католики (чаще всего имевшие польские корни), иудеи, мусульмане.

Неподалеку от православной церкви действовала 6-летняя русская школа. При школе работала библиотека, так, генерал фон Лампе принес ей в дар несколько книг, изданных на русском языке в Берлине. Средней русской школы в Венгрии не было. Некоторые подростки получали образование в не столь уж многочисленных в межвоенной Венгрии немецкоязычных средних учебных заведениях. Но известны случаи, когда эмигранты, хотевшие дать своим детям среднее образование на родном языке, посылали их в русские средние школы Болгарии и Югославии. К середине 1920-х годов в 6-летней школе при церкви обучалось всего 15–20 детей, а потом она закрылась – обучение детей на русском языке становилось в Венгрии совершенно бесперспективным. Пресса на русском языке в Венгрии не издавалась, но получали распространение некоторые газеты, выходившие в других странах (Германии, Югославии).

Наряду с церковью и школой возникали и другие формы сплочения русского общества (например, русские балы). Важным консолидирующим фактором были гастроли выдающихся артистов и музыкантов – Ф. Шаляпина, С. Рахманинова. Собирались вместе для того, чтобы отметить свои традиционные праздники, выходцы из казачества. Русское светское общество,

однако, быстро изживало себя по мере того, как уходили в мир иной старшие поколения, переселялись в другие страны политически активные эмигранты и происходил неуклонный процесс ассимиляции.

Русская эмиграция была неравномерно распределена по стране. Помимо Будапешта ее важным центром, по уже названным причинам, стал Печ. К середине 1940-х годов численность эмигрантов заметно уменьшилась, многие стали жертвами лишений военного времени, некоторые, опасаясь преследований, по мере приближения Красной армии уезжали на Запад. Часть была арестована органами НКВД. Поскольку нансеновские паспорта остались в прошлом, некоторые выжившие приняли венгерское подданство, что, впрочем, в начале 1950-х годов не спасало их от не менее жестоких преследований собственной службы безопасности. Можно, однако, привести и ряд примеров удачной адаптации к венгерским условиям и выживания после длительной полосы мытарств²⁸. Некоторым выходцам из эмиграции помогла найти себя в послевоенной Венгрии резко возросшая потребность в переводчиках и преподавателях русского языка. Так, в первые послевоенные годы единственным в г. Пече квалифицированным университетским преподавателем русского языка и литературы был врангелевский офицер Александр Ловягин, поддерживавший связи и с советскими коллегами, приезжавшими в страну²⁹. Дальнейшая судьба его теряется в водовороте истории, как и судьбы многих других русских беженцев, оказавшихся в Венгрии.

Примечания

¹ См.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20-30-е годы). М., 1995; Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М., 2000; Косик В.И. Русский Белград. М., 2006; Косик В.И. «Что мне до вас, мостовые Белграда?» Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920-1950-е годы. Ч.1–2. М., 2007; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005; Вагапова Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. СПб., 2007. Из вышедших в последнее время сборников статей, содержащих обширный материал по разным странам, см.: В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – первая половина XX в. Отв. редактор Т.А. Покивайлова. М., 2009; Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Отв. редактор Т.А. Покивайлова. СПб., 2011. Следует отметить также регулярно публикующиеся в журнале «Славяноведение» подборки статей по истории российской эмиграции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

² Первопроходческой явилась статья И. Халаса: Halasz Ivan: Az orosz fehér emigránsok és Magyarorszag a húszas évek elején // Ezredfordulo – századfordulo – hetvenedik évfordulo. Szerk. J. Ujvary Zsuzsanna. Piliscsaba, 2001. 531–552. Из опубликованных в последнее время статей следует выделить работу венгерского исследователя А. Колонтари. См.: Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 157–181. На русском языке см. также статью обзорного характера: Стыкалин А.С. К вопросу о российской белой эмиграции в межвоенной Венгрии и отношении к ней хортистской политической элиты // Славяноведение. 2009. № 1. С. 40–51. См. также: Халас И. Холодный ветер с мадьярского берега. Русская эмиграция и Венгрия в начале 1920-х годов // Родина. Российский исторический журнал. 2010. № 11. Специальный выпуск «Россия на Дунае». С. 139–141; Халас И. Русская белая эмиграция и Венгрия в начале 20-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Отв. редактор Е.С. Узенева. М., 2010. С. 252–257. Описание судеб некоторых россиян, эми-

грировавших в начале 1920-х годов в Венгрию, см. в книге очерков петербургского журналиста В. Аристова: Аристов Вадим. Русский мир Будапешта и Венгрии. Будапешт, 2003. О венгерских связях С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина, генерала А.И. Деникина писал журналист Ф.Е. Лукьянов (наряду с публикациями в массовой периодике см. очерки в вышеупомянутых сборниках «В поисках лучшей доли» и «Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.»). Как и в Москве, в Доме русского зарубежья имени А.И. Солженицына, в Венгрии в 2010 г. состоялась конференция, посвященная истории русской белой эмиграции в этой стране. Ее материалы опубликованы: *Az orosz "fehérgárdista" emigráció Magyarországon (1918–1945)*. Szerk. Halasz Ivan. Bp., 2011. Важно заметить, что далеко не все выходцы из Российской империи в межвоенной Венгрии принадлежали к русской диаспоре, в их числе были представлены люди многих национальностей. Так, Будапешт был немаловажным политическим центром пантюркистской эмиграции из России. См.: Шереш А. Галимджан Таган и башкирские эмигранты в венгерском «туранском движении» // Ученые записки кафедры новой и новейшей истории Ставропольского госуниверситета. Отв. ред-р И.В. Крючков. Вып. III. Ставрополь, 2010. С. 97–117.

³ См., например, биографический очерк: Козлов А.И. Антон Иванович Деникин // Вопросы истории, 1995. № 10. С. 54–74. См. также: Ипполитов Г. Деникин (серия ЖЗЛ). 2-е издание. М., 2006. Несколько более интересна в этом плане биография В. Нижинского, написанная его женой: Нижинская Ромола. Вацлав Нижинский. М., 1996. Там, где дело касается генерала Деникина, пробел до известной степени восполняет статья: Лукьянов Ф.Е. Венгерские дни генерала Деникина. «Очерки русской смуты» писались на берегах Балатона // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 182–187.

⁴ В. Нижинский, который в 1913 г. женился на венгерской аристократке Р.Пульски, жил в Венгрии в 1921–1924 гг. В это время он был уже психически болен, не концертировал и не участвовал в светской жизни. В последний раз посетил Венгрию вместе с женой в 1946 г., что нашло отражение в венгерской прессе того времени.

⁵ В соответствии с Трианонским мирным договором 1920 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию (обладавшую с 1868 г. автономией в рамках Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия – Словакию и Закарпатскую Украину, Австрия – самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии. Перешедшие в ее владение Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской терминологии – Кришана) и Марамуреш занимали площадь более 100 тыс. кв. км., что превосходило по территории Венгрию в ее новых границах (93 тыс.). Территория нового венгерского государства согласно Трианонскому договору составила около 30 % площади исторического Венгерского королевства. На ней в год Трианона проживал всего 41 % населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от венгеро-румынских границ).

⁶ См. о письме министра иностранных дел Й.Шомшича от 4 ноября 1919 г., адресованном Хорти: Halasz Ivan: *Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején*. 538.

⁷ См.: Ibid. См. также: Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период. С. 161.

⁸ См.: Там же.

⁹ Врангель П.Н. Воспоминания. 1916–1920. М., 2006. С. 413.

¹⁰ Так, обосновавшиеся в Болгарии генерал А. Кутепов и его окружение призывали венгерских военных экспертов приехать в Софию для разработки совместно с белогвардейскими генералами конкретных планов действий против Советской России. См.: Halasz I. Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején.

¹¹ См.: Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период.

¹² Вследствие Трианонского договора неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия была низведена до положения одного из малых государств (соседние Румыния, Чехословакия и будущая Югославия каждая в отдельности превзошли Венгрию по площади и по численности населения). Внешняя политика хортистских правительств, направленная на ревизию трианонских границ, находила поддержку в самых широких слоях венгерского общества, с немалым трудом психологически адаптировавшегося к новой геополитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ревизионистским лозунгам оказались 3 млн. венгров, волею держав-победительниц оторванных от матери-родины. С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, будучи важнейшим инструментом достижения национального единства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.